

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдусин Д.А. Археология СССР. М., 1977.
- Авдусин Д.А. Основы археологии. М., 1989.
- Арциховский А.В. Основы археологии. М., 1954.
- Даркевич В.П., Краснов Ю.А., Косарев М.Ф. и др. Рецензия на: А.И. Мартынов "Археология СССР" // СА. 1976. № 1.
- Античные государства Северного Причерноморья / Отв. ред. Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, В.С. Долгоруков. М., 1984 (Археология СССР).
- Мартынов А.И. Археология СССР. М., 1973.
- Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования. М., 1988.
- Кемеровский государственный университет
- Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования. 2-е изд. М., 2002.
- Массон В.М. Первые цивилизации. Л., 1989.
- Монгайт А.Л. Археология в СССР. М., 1955.
- Окладников А.П. Рецензия на: А.И. Мартынов "Археология СССР" // История СССР. 1974. № 5.
- Троицкая Т.Н. Рецензия на: А.И. Мартынов "Археология СССР" // Изв. СО АН СССР. Сер. Общ. наук. 1974. Вып. 1.
- Шер Я.А. Еще об археологических источниках и "заключенной" в них информации // Археолог: детектив и мыслитель. Сб. статей, посв. 77-летию Льва Самойловича Клейна. СПб., 2004.
- Fagan Brian M., DeCorse Christofer R. In the Beginning. An Introduction to Archaeology. New Jersey, 2005.

Я.А. Шер

Ахундов Т.И., Махмудова В.А. ЮЖНЫЙ КАВКАЗ В КАВКАЗО-ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ IV ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ до н.э.

Баку, 2008. 198 с.

В IV тыс. до н.э. население Передней Азии и Кавказа вступило в эпоху развитого бронзового века или позднего халколита. В это время отмечается заметный прогресс в динамике родовых ремесел.росло число поселков оседлых земледельцев и скотоводов, усложнялись их структура и архитектура. Святилища начали превращаться в храмы. Развивалось социальное устройство обществ, представленное моделями долговременных селищ, связанных с прочным стационаром земледельцев и скотоводов, а также моделями, отражающими подвижно-оседлый тип хозяйства, представленными недолговременными селищами, которые предполагали смену места обитания через некоторый промежуток времени. О сложных экономических отношениях говорят находки печатей – знаков собственности, а также распространение захоронений с элитарным характером погребальной практики и курганов, сооружаемых над захоронениями отдельных людей.

Археологи, занимающиеся Ближним и Средним Востоком, связывают рассматриваемый этап развития населения Восточной Анатолии, Месопотамии, Западного, Северо-Западного, Центрального Ирана с финалом убейдского периода (конец V тыс. до н.э.), но, главным образом, с урукским периодом в Месопотамии (IV тыс. до н.э.). Часто исследователи распространяют понятие "урукский период" на иные территории. Тогда оно представляет лишь хронологическое измерение исторической фазы у разных племен и народов. Время урукского периода в Передней Азии и на Кавказе изобилует миграциями древних племен и возникновением ярких феноменов общественного развития в рамках еще первобытной, догосударственной стадии.

Памятники Кавказа в IV тыс. до н.э. представлены несколькими археологическими феноменами. Главные из них – лейлатепинская и куро-араксская культуры на Южном Кавказе, куро-араксская культура в Дагестане и Чечне, майкопско-новосвободненская общность и древняя культура в Предкавказье. В рассматриваемый период также шло затухание более древних энеолитических кавказских культур, например, куль-

туры шулавери-шомутепе на Южном Кавказе и культуры напольчатой жемчужной керамики в Предкавказье.

Из всех перечисленных наименее изученной и загадочной является культура (или общность) памятников типа поселения Лейлатепе в Азербайджане и Берикдееби в Грузии. Заслуга открытия самого поселения Лейлатепе и выделения лейлатепинской культуры принадлежит замечательному археологу Азербайджана проф., д.и.н., чл.-корр. АН Азербайджана И.Г. Нариманову. Монографические публикации, посвященные этой культуре, долго ждали, но они стали появляться лишь в начале текущего столетия (Алиев, Нариманов, 2001; Нариманов и др., 2007; Мусейбли, 2007). В них дан перечень памятников позднего энеолита Южного Кавказа, связанных с лейлатепинской культурой, и представлены основные характеристики поселения Лейлатепе. Особо значимой стала монография Н. Мусейбли о поселении Беюк Кесик с культурным слоем мощностью 1.7 м, в котором были найдены многочисленные изделия из керамики, кости, камня, металла, следы местной металлообработки, глиняные печати, погребения младенцев в сосудах (2007). В этой книге также были приведены первые радиоуглеродные даты поселения Беюк Кесик, связанные с началом IV тыс. до н.э. Поэтому при оценке современных работ по раскопкам памятников Азербайджана исследования Н. Мусейбли занимают важное место как одни из ключевых по рассматриваемому периоду.

Рецензируемая монография Т.И. Ахундова и В.А. Махмудовой является очередным шагом в издании древностей лейлатепинской культуры. В ней представлены обобщающие материалы по уже известным поселенческим памятникам и новым погребальным комплексам степной части Мильско-Карабахской степи Азербайджана. Перечень бытовых памятников включает поселения Лейлатепе, Абдал Азизтепе, Чинартепе, Велибейтепе, Адсызтепе, Аликемектепеси, Мишарчай VI, Алхантепе, Беюк Кесик, Агылы Дерё, Пойлу. Погребальные памятники отражены курганами в Учтепе, курганами № 1 и 2 у с. Тельманкед, курганами № 1 и 2 у с. Кюдурлу, курганом у

с. Дюбенди, курганом у с. Свидляр, курганами 1, 2, 3а, 3в, 3с, 3д, 5, 6 у с. Союг Булаг 2005 и 2006 гг. раскопок.

Если о бытовых комплексах лейлатепинской культуры в литературе уже упоминалось не раз, то сводка ее подкурганых захоронений приводится впервые. Авторы книги отмечают, что для них характерны два принципа обустройства могильного пространства. Первый – в грунтовых ямах-камерах, второй – на площадке древней дневной поверхности. Стенки ям обкладывались сырцовым кирпичом, скрепленным раствором из желтой глины. Использовался и глинобитный кирпич. Сверху ямы закрывались деревянными настилами, землей и камнем. Камни выкладывались в определенном порядке, образуя невысокие насыпи, окруженные выложенными на поверхности земли кромлехами.

Погребальные площадки на поверхности земли были оконтурены незначительными каменными развалами или выкладками, слегка заглубленными внутрь. Авторы предполагают, что площадки были первоначально оконтурены камышово-турлучными стенами и опоясаны кромлехами. В курганах 1 и 6 2006 г. в Союг Булаге с камерой и площадкой имелись жертвенные ямы. Жертвенники также открыты в курганах Кюдурлу и Кавтусхеви, где округлые площадки были вымощены камнем.

Особенно интересен курган в Кюдурлу. Он имеет серповидную выкладку из камней, как курган 1 у с. Кишпек со знаменитой гробницей. Такое сопоставление Т.А. Ахундова и В.А. Махмудовой верно. Надо только добавить, что серповидные выкладки из глины и камня помимо Кишпекского кургана встречены в кургане 3 у с. Брут и сунженских курганах в Северной Осетии (Корневский, 2004).

В итоге авторы приходят к выводу о единстве структуры устройства южнокавказских погребальных памятников в Кюдурлу, Кавтусхеви, Союг Булаге и майкопского кургана у с. Кишпек (долинский вариант МНО. – С.К.). Здесь необходимо заметить, что близость признаков обустройства могил союг-булагских курганов с майкопской погребальной традицией неполная. Если майкопцы употребляли для обкладки стен камень, дерево, пасту (глину), то в восточнокавказских памятниках встречается обкладка из глинобита и сырца. Здесь явно обыгрывается одна идея прикрытия земляной вертикальной стенки могилы прослойкой из разных материалов, но в разных вариантах локальных обрядов.

Следующий раздел монографии содержит характеристику материалов из рассматриваемых памятников. В нем авторами систематизируются данные по керамике, которая делится на “качественную” и “грубую”. В рамках этих понятий выделяются типы посуды. Таковы “кюпы”, очень крупные сосуды. Их еще называют пифосами. Далее отмечаются кувшины, сосуд-баллон, сосуды с носиком, двугорлые сосуды, “тазики”, чаши, бокаловидные чаши, котлы. Донья сосудов круглые и плоские, встречены днища с поддоном. Качественная керамика изготавливалась без использования минеральных примесей, с применением поворотных устройств. Грубая керамика с минеральными примесями также представлена “кюпами”, кувшинами, горшками, чашами, котлами, цедилками, чашами с отверстиями, жаровнями, плоскими чашами. Аналогии ряду форм авторы видят в посуде из слоев VII и VIA восточно-анатолийского поселения Арслантепе.

Очень интересны встреченные фрагменты расписной керамики. Роспись наносилась преимущественно на “качественную” керамику черной, реже красной или желтой краской. Формы сосудов с расписными орнаментами пока неизвестны. Помимо сосудов керамические изделия лейлатепинской культуры представлены глиняными дисками, скребками, “гвоздями”

ми”, серпами, пряслицами. Все найденные сосуды не имеют ручек, но сосуды с ручками все же были. О чем свидетельствуют находки двух ручек.

Особый раздел посвящен описанию знаков на керамике. Они делались отпечатком пальца, прочерком. Знаки наносились по сырой глине до обжига. Посуда со знаками найдена в Лейлатепе, Беюк Кесик, Пойлу, Алхантепе, Союг Булаге. Аналогии знакам лейлатепинской культуры связаны с Арслантепе VII и майкопской культурой (точнее, с ее галюгаевско-серегинским вариантом. – С.К.).

Далее в тексте упоминаются фигурки животных и человека из глины. Важными находками стали две глиняные печати с изображениями животных из поселения Беюк Кесик (Мусейбли, 2007). Близкие им печати найдены в Тепе Гавра XII–X и Арслантепе VII, как пишут авторы (Ахундов, Махмудова, 2008; Мусейбли, 2007). Печати на поселении – вещи знаковые, показатель развития специфических экономических отношений и прав собственности. Они позволяют отнести лейлатепинскую культуру к периферии обширной области культур и протогородских центров Ближнего, Среднего Востока, Индии, в которых печати стали неотъемлемой чертой становления будущей государственности. Но пока это “первые ласточки”, свидетельствующие о таком ходе исторического процесса на Южном Кавказе.

В подобном контексте становится понятна и находка “гаврской” печати в майкопском кургане у г. Красногвардейска А.А. Нехаевым. Скорее всего, то было следствием культурных контактов майкопцев со своими партнерами по дарообмену на Южном Кавказе, где категория печатей появилась во времена культуры Лейлатепе. В Передней Азии печати были известны существенно ранее.

Предметы из кости, приведенные в рецензируемой работе, включают булавки и проколки (с. 160). Они найдены на поселении Беюк Кесик (Мусейбли, 2007). Костяные булавки любопытны. Некоторые из них сделаны в виде прямого стержня с расширяющейся в лопаточку головкой. В одной булавке имеется круглое отверстие. Аналогии им есть в памятниках майкопской культуры. Такова костяная булавка с отверстием из погребения 1 кургана 1 на р. Кудухурт (Корневский и др., 2008. С. 147. Рис. 8, 9). Булавки с треугольной головкой, но более тщательно отделанные, известны из Усть-Джегутинского могильника и на поселении Арслантепе, как ранее показал Р.М. Мунчаев (1994).

Металлические изделия представлены двумя кинжалами бесчернового типа из кургана 6 2005 г. и кургана 1 2006 г. В Беюк Кесик (Мусейбли, 2007) найден клинок с отверстием в рукоятке. Т.И. Ахундов пишет, что кинжалы “без черенка” находят аналогии в памятниках майкопской культуры, другие кинжалы похожи на клинки из Арслантепе VIA. В кургане у Тельманкенда найдены два наконечника (копья и дротика) с прямым стержнем и два плоских тесла. Копья, как полагают авторы, находят параллели в кургане 2 у ст. Новосвободной. Аналогии теслам широки, но это явно орудия “майкопских” стандартов. На поселении Лейлатепе выявлен штык длиной 16,2 см. На поселениях Лейлатепе и Беюк Кесик обнаружены бронзовые шилья. Одно шило найдено даже в металлическом футляре.

Отдельный раздел монографии посвящен древней металлургии лейлатепинской культуры. Отмечено, что помимо бронзовых предметов на поселении Лейлатепе были найдены два медных бруска-слитка. В составе одного из них содержание никеля достигает 0,55%. В одном из жилищ Лейлатепе были найдены металлургические медные шлаки, куски глины, обрызганной каплями металла. Это явно доказывает наличие локальной металлообработки (выплавки) изделий на поселе-

нии Лейлатепе (с. 65). Похожие медные бруски-литки найдены также на поселении Беюк Кесик. Вместе с ними здесь были выявлены обломок изделия – плоского тесла, формы для отливки орудия ударного действия, а также створка формы для отливки втульчатого топора (Мусейбли, 2007. С. 172. Рис. 13, 2–4; С. 175. Рис. 16, 6, 8).

Химический состав изделий, капель металла на поселениях лейлатепинской культуры зафиксирован анализами с поселений Беюк Кесик, Лейлатепе и из курганов в Союг Булаге (Мусейбли, 2007. С. 140, 141). Изделия из сплавов на медной основе с повышенным содержанием мышьяка от 0.58 до 2% отмечены на поселении Лейлатепе. Здесь также найдены шлаки. Анализ одного из них показал содержание мышьяка до 7.2% (Алиев, Нариманов, 2001. С. 135).

Это позволяет авторам рецензируемой монографии думать об использовании древними металлургами медно-рудного конгломерата с высоким содержанием мышьяковых минералов. Почва для такой гипотезы есть. Т.А. Ахундов и В.А. Махмудова обращают внимание читателей на известное в Азербайджане биттибулагское медно-мышьяковое месторождение. В его руде содержание мышьяка достигает 18% (с. 66). На мой взгляд, теоретически возможен и другой вариант, связанный с использованием сырья из медной руды с присадками мышьяковых минералов. Как было на самом деле – сложный вопрос.

Очень интересны анализы, отражающие повышенное содержание в металле на медной основе никеля. Так, никель в сплавах на медной основе может составлять от 0.46–0.67 до 1.1–1.48%. Т.А. Ахундов и В.А. Махмудова правильно сопоставляют эти результаты с мышьяково-никелевыми бронзами майкопской культуры и мышьяково-никелевыми бронзами восточно-анатолийского памятника Арслантепе.

Пока анализов металлических изделий культуры Лейлатепе немного. Авторы монографии приводят 27 результатов анализа количественного состава металла из разных ее памятников, таких, как поселение Лейлатепе, курган в Тельманкенде (с. 152). Вместе с коллекцией из Беюк Кесик и 4 анализами с поселения Техут в Армении (Геворкян, 1980. С. 103) их общее число составляет 46. Среди них есть явно мышьяковые бронзы с содержанием мышьяка около 4%, изделия с низким содержанием мышьяка от 0.3 до 1% и вообще медные вещи с содержанием мышьяка меньше 0.3%.

Можно ли по этим данным говорить, что культура Лейлатепе принадлежит к эпохе энеолита, а не раннему периоду бронзового века? Здесь возникает вопрос о содержании самих понятий “энеолит”, “халколит” и “бронзовый век”, а также о традиции их использования. В конкретном случае с южнокавказскими памятниками культуры Лейлатепе налицо изделия с повышенным содержанием мышьяка (от 1 до 4%) и медные вещи, в том числе даже клинковое оружие – кинжал из Беюк Кесик (Мусейбли, 2007. С. 141). Как они будут определять понятия “энеолит” и “ранний бронзовый век”? Для Кавказа это тема общих рассуждений. Здесь нет такого явления, как энеолит Дунайского бассейна с обилием тяжелых орудий из меди. Точнее, можно констатировать особый медно-мышьяковый этап металлообработки и металлургии для лейлатепинской культуры, похожий на ступень развития металлопроизводства куро-араксской культуры¹ (Геворкян, 1980.

С. 104–106) и майкопско-новосвободненской общности, в основном связанных с мышьяковыми и мышьяково-никелевыми бронзами.

Крайне любопытны украшения лейлатепинской культуры из союг-булагского кургана 1 2006 г. Прежде всего это бусы (биконические или в виде шайб) и кулон из золота. Помимо золотых найдены одна бусина из лазурита и несколько – из серебра и пасты. Есть сложносоставные бусы. Они сделаны как вставки бусины из пасты в серебряную бусину или пастовая бусина обкладывалась золотом. Как категория отмечены височные серебряные (?) кольца в один и полтора оборота, даже одно кольцо с надетой на него сердоликовой бусиной.

Сделан химический анализ пяти бусин. Среди них есть экземпляр с содержанием золота 86%, серебра 9.12% и меди 1.3%. Это типичное самородное золото. Такой же состав зафиксирован и, у майкопских ювелирных изделий (Кореневский и др., 2008. С. 129). Есть бусина с содержанием золота 41%, серебра 50% и меди более 5%, т.е. из естественного сплава – электрума, также известного в среде майкопской культуры. Две бусины имеют содержание серебра до 30% с пониженным содержанием золота и меди, отражающее своеобразие рудных источников. Серебряная подвеска – кольцо с сердоликовым камешком – вновь показывает направление аналогий в сторону майкопской культуры, у носителей которой это было одно из характерных украшений (Кореневский и др., 2008. С. 147. Рис. 8, 7–10). А вот в других памятниках начала урукского периода параллели союг-булагской находке привести трудно.

Лазуритовая бусина союг-булагского кургана свидетельствует о дальних связях древнейших обитателей Куринской низменности Азербайджана, протянувшихся за тысячи километров на восток, вплоть до Бадахшанского месторождения в Афганистане. В комплексах майкопской культуры лазурит редок. Достоверно он есть в погребении 3 кургана 1 на р. Кудухурт в Балкарии. В этой аналогии авторы монографии правы. Более того, совпадает и уникальная манера вставлять одну бусину в другую, которая отмечена в союг-булагских украшениях и бусах из погребения 3 кургана 1 на р. Кудухурт. В последнем случае в лазуритовые бусы были вставлены золотые шайбы. Совпадает с майкопской традицией и тип украшений в виде серебряной височной подвески с сердоликовой бусиной. Именно такая вещь найдена в погребении 1 кургана 1 на р. Кудухурт (Кореневский и др., 2008; Кореневский, 2008). Таким образом, находки первых ювелирных изделий в комплексе кургана 1 2006 г. у с. Союг Булаг указывают на причастность оставившего его населения к традициям майкопской культуры и к обмену лазуритом, который начался в конце убейдского – начале урукского периода (финал V тыс. до н.э. – начало IV тыс. до н.э.) и уже фиксировался в верхней Месопотамии (Тепе Гавра XIII, но в основном Тепе Гавра XII–IX). В любом случае эти находки вместе с украшениями из лазурита в майкопском погребении кургана 1 Кудухурт отражают принципиально новую ветвь культурных контактов по распространению лазурита на Древнем Востоке. Эта ветвь связей вела из Афганистана и Ирана в Азербайджан и далее в Предкавказье к племенам майкопской культуры. Шел ли лазурит на Южный Кавказ из верхней Месопотамии или непосредственно из Ирана – вопрос открыт. Главное другое: носители майкопской и лейлатепинской культур на Кавказе и культуры севера Месопотамии стали в это время партнерами далеких афганских племен. Они вместе создали своеобразный лазуритовый путь и “рынок” дальнего, возможно, транзитного дарообмена одним из самых престижных украшений для элиты разных народов будущих протогородских центров и ареала культур с печатями Востока.

¹ В составе мышьякового металла вещей Приереванского клада наблюдается повышенное содержание никеля от 0.2 до 0.7% (Геворкян, 1980. С. 106), но это еще ничего не говорит о его идентичности майкопским мышьяково-никелевым бронзам, а, скорее, отражает некое подобие сырья или традиции отливки изделий.

Принципиально важными находками в кургане Тельманкенда и в кургане 1 Союз Булага 2006 г. являются каменные зооморфные скипетры со стержневидными рукоятками и изображением голов животных на одном конце. Т.И. Ахундов и В.А. Махмудова представили в монографии подборку из трех скипетров из Азербайджана. Они трактуют головы животных как головы двух львов и двух коней. В последних двух случаях я бы был более острожен и определял их как головы копытных животных. Вместе с тем авторы монографии справедливо сопоставляют скипетры Азербайджана с находкой стержневидного скипетра из кургана III в Си Гирдани (юго-запад оз. Урмия, Иран). А вот аналогий им в контексте энеолитических скипетров-вставок юга Восточной Европы нет. Т.А. Ахундов и В.А. Махмудова, отмечая это, совершенно правы. Нет им аналогий и среди материалов майкопско-новосвободненской общности². Здесь с ними лишь относительно могут быть сопоставлены так называемые каменные оселки округлой формы. Поразительно другое. В майкопских комплексах каменный стержень-“оселок” является самым частым спутником бесчеренкового кинжала. В кургане 1 Союз Булага 2006 г. скипетр найден также вместе с кинжалом бесчереновой формы. В таком сочетании вещей явно обыгрывается одна и та же “погребальная идея” помещения в могилу кинжала и рядом с ним каменного стержня.

Среди других каменных орудий лейлатепинской культуры отмечены зернотерки, песты, булыжники с заостренным концом (плоские топоры или тесла?), ступки, колесо-диск, пряслица. Дважды найдены наверхия каменных булав. А вот категория каменных топоров с отверстием прослеживается плохо. Так же плохо эта категория оружия фиксируется в комплексах майкопской культуры.

Предметы из кремня представлены вкладышами серпов, скребками, стамесками, комбинированными орудиями. Есть находки из обсидиана. Они часты в Лейлатепе и редки на поселении Беюк Кесик. Наконечники стрел известны по двум находками из Беюк Кесик. Они имеют прямое основание.

В заключение следует отметить интересную находку Т.И. Ахундова в фондах Масалинского краеведческого музея. Это два глиняных предмета в виде усеченных пирамидок, которые связывают с категориями так называемых майкопских конусов. Оба изделия снабжены наколами. Ближайшие аналогии им известны на Галюгаевском поселении майкопской культуры, хотя конусы майкопской культуры имеют сквозное отверстие, а конусы из Азербайджана – нет.

Вся интрига, связанная с этими находками, заключается в том, что глиняные конусы – характерный атрибут быта племен майкопской культуры. На поселениях культуры Лейлатепе в Азербайджане пока не найдено ни одного такого предмета. Глиняные конусы есть в слое V Бериклдееби (Корневский, 2004. С. 235. Рис. 118, 1–5). Что означают опубликованные конусы из Азербайджана? Зарождение и производство этой категории вещей в кругу племен лейлатепинской культуры или следы рейдов майкопцев на юг? Трудно сказать. Но факт есть факт. Похожие на майкопские предметы встречены в ареале памятников культуры Лейлатепе в Куринской низменности.

Итог работы отражает заключительный раздел, названный “Этнокультурная принадлежность и хронологическое место описанных памятников”. Начиная его характеристику, я бы полностью согласился с Т.И. Ахундовым и В.А. Махмудовой в том, что мы в настоящее время лишь перешагнули порог

² Находка каменного клювовидного молотка из майкопского кургана у г. Новопавловска, упомянутая Т.И. Ахундовым, конечно, относится к категории наверхий, но иного типа.

первичного знания о блестящей культуре Лейлатепе. Поэтому многие ее проблемы еще остаются совершенно открытыми. Прежде всего, это ее ареал, хронология и характеристика ее бытовых и погребальных памятников. Общую картину культуры трудно представить без монографического ввода в научный оборот поселения Бериклдееби и иных материалов, близких к культуре Лейлатепе и майкопско-новосвободненской общности, найденных в Грузии и Армении.

Далее, определенные проблемы существуют в выборе терминологии для описания всех культур раннего периода бронзового века. Не секрет, что в российской литературе, посвященной бронзовому веку, ранее выделенные культуры то превращаются в общности с локальными вариантами под давлением вновь накопившегося материала, то просто распадаются на отдельные группы или субкультуры. Большую роль в последнем процессе играет желание авторов приспособить терминологию “культурообразования” к решению вопроса о происхождении носителей культур или выделить свою культуру еще раз под другим названием на месте старой, уже выделенной.

Т.И. Ахундов и В.А. Махмудова предлагают свой подход (ранее он был обозначен Т.И. Ахундовым (2007. С. 61–64)). Понятие “археологическая культура” исследователи совмещают с понятием “традиция”, например, лейлатепинская традиция, майкопская традиция, куро-араксская традиция. Однако здесь есть один филологический момент, требующий пояснения. В русском языке иностранное слово “традиция” всегда подразумевает определение: традиция чего? Например, традиция изготовления керамики, традиция погребального обряда, традиция положения вещей в угол могилы и т.п. Если слово “традиция” использовать с такими пояснениями, то можно получить неплохие определения. Например, традиция использования керамики со знаками, общая для культуры Лейлатепе, восточно-анаатолийского поселения Арслантепе VII и майкопской культуры (точнее, ее галюгаевско-серегинского варианта), традиция курганного обряда с использованием каменных кромлехов и выкладок. Но эти понятия не будут означать тождества культуры всех древних людей, носителей археологических культур, использующих такую знаковую керамику и курганный обряд. Поэтому я бы оставил прежние названия: лейлатепинская культура³ (общность), куро-араксская культура (общность), майкопская культура (майкопско-новосвободненская общность), употребляя слово “традиция” лишь

³ Понятие “археологическая культура” можно сформулировать как “совокупность памятников, объединенных комплексом особых диагностических признаков быта, материального производства, культура, который отделяет их от иных одновременных групп памятников”. Понятию “археологическая культура” близко понятие “общность археологических памятников”. Общность памятников предполагает также наличие диагностических признаков, отделяющих ее от иных общностей. Например, куро-араксская культура (общность) имеет свои отличия от синхронной ей майкопской культуры (или майкопско-новосвободненской общности). Как правило, общность имеет деление на варианты или группы памятников, обладающие своими локальными чертами. В отношении изучения происхождения явления есть тенденция рассматривать феномен “культура” как явление, имеющее происхождение из одного источника. Понятие “общность” предполагает сложение ее компонентов из разных источников. В американской литературе вообще распространено понятие “комплекс памятников”, тождественное нашему понятию “культура”. В целом это удачный вариант.

конкретно, для обозначения отдельного культурного комплекса признаков. Например, традиция каменных серповидных выкладок в курганах, традиция удлиненных пеналообразных ям в курганах, традиция высококачественной керамики со знаками и т. д.

В заключительном разделе Т.И. Ахундов и В.А. Махмудова поднимают очень важные вопросы для характеристики рассматриваемых памятников и всего раннего периода бронзового века Кавказа.

Первое. Они обращают внимание на то, что погребальный обряд носителей лейлатепинской культуры не ограничивался только захоронением сородичей на поселениях. В отдельных случаях наблюдаются погребения младенцев в сосудах. Где хоронили взрослое население и как его хоронили – вопрос открыт.

Второе. Связь открытых захоронений в курганах типа Союг Булага с лейлатепинской культурой, как пишут авторы, была объявлена, но не доказана, хотя она и весьма вероятна. А сам факт открытия курганов лейлатепинской культуры в Союг Булаге не означает, что это самые древние курганы на Кавказе.

От себя могу сказать, что проблема возникновения курганного обряда на юге Восточной Европы, в Предкавказье и на Южном Кавказе сложна. Пока радиоуглеродные даты отдают пальму первенства памятникам степной зоны Восточной Европы, где древнейшие энеолитические курганы датируются 44–40 вв. до н.э. (время Триполья VI–VIBII) (Кореневский, 2006. С. 141–147). Для Предкавказья столь ранние радиоуглеродные даты древнейших курганов пока не опубликованы, но их глубокий возраст предполагается по аналогиям с восточноевропейскими курганами. Далее, у нас нет радиоуглеродных дат для союг-булагских курганов, которые бы были древнее памятников майкопской культуры, ранний диапазон которой находится в рамках 40–37 вв. до н.э. (Кореневский, 2004; 2008)

В конструкции курганов лейлатепинской культуры немало общих черт с погребальной практикой майкопско-новосвободненской общности. Это проявляется в использовании камня в сооружении курганов, кромлехов, традиции захоронения в ямах и на уровне поверхности земли, наличии удлиненных могильных конструкций, так называемых ям сунженского типа, встреченных в кургане Уч-тепе (Кореневский, 1993). Вопрос, насколько тесно погребальная практика рассматриваемого феномена сопоставима с майкопской погребальной традицией, требует дальнейших исследований. Ясно одно: близость есть, но она неполная. Более того, “майкопидные” курганы встречены и южнее Аракса, в области оз. Урмия, в местечке Си Гирдан, о чем справедливо упоминают Т.И. Ахундов и В.А. Махмудова.

Следует отметить еще один вопрос, который затронут в монографии Т.И. Ахундова и В.А. Махмудовой. Контакты лейлатепинской культуры с майкопской рассматриваются в ней не только как влияния с юга на север, но и наоборот, с севера на юг.

Развивая свою концепцию происхождения памятников с урукской знаковой керамикой на Кавказе, Т.И. Ахундов предлагает следующую схему. Первый (убейдо-урукский) этап распространения влияний Ближнего Востока на Кавказ связан с продвижением носителей убейдо-урукской культуры из разных пунктов Ближнего Востока в Закавказье. На втором этапе (убейдо-урукско-лейлатепинском) эта миграция (миграции) стимулировала сложение лейлатепинской культуры на Южном Кавказе. Курганный обряд погребений в то время на Южном Кавказе не было. На третьем этапе (убейдо-урукско-лейлатепинско-майкопском) носители убейдо-урукской традиции переместились на Северный Кавказ (в предгорья и равнины

Предкавказья. – С.К.), где начала складываться сугубо местная “северокавказская” майкопская культура⁴ (убейдо-урукско-лейлатепинско-майкопская, по Т.И. Ахундову, В.А. Махмудовой).

На Южном Кавказе со временем лейлатепинская культура и убейдо-урукская традиция знаковой керамики бесследно исчезают. Та же участь постигла и майкопскую культуру. В качестве одной из причин такого крушения Т.И. Ахундов и В.А. Махмудова рассматривают нарушение коммуникационных связей. Прекращение контактов, по мнению авторов, могло быть следствием формирования на Южном Кавказе куро-араксской культуры, что и привело к коллапсу сообщений между закавказской периферией убейдо-урукской культуры и ее основной территорией к югу от Аракса. В связи с этим затухает жизнь сначала на лейлатепинских памятниках, затем на майкопских.

Предлагаемая схема может рассматриваться еще как довольно абстрактная. В ней не все ясно. Например, что такое убейдо-урукская культура или традиция, где конкретно находятся ее памятники южнее Аракса? Ведь там встречены памятники со слоями убейдской или урукской культур, но не убейдо-урукской.

Т.И. Ахундов и В.А. Махмудова справедливо поднимают вопрос о соотношении памятников куро-араксской и лейлатепинской культур. Они отмечают отсутствие между ними связей и преемственности. Авторы монографии скептически относятся к идее заката лейлатепинской культуры под влиянием изменения природных условий. Контраргумент прост: могли же в этих условиях жить носители куро-араксской культуры.

Т.И. Ахундов и В.А. Махмудова предполагают, что между концом (уходом) носителей лейлатепинской культуры и началом куро-араксской существовал временной hiatus. Однако документировать его без радиоуглеродных дат не представляется возможным.

Проблема динамики палеоклимата на Кавказе во многом еще открыта. В целом нам вместе с Е.А. Спиридоновой и другими исследователями удалось соотнести периоды энеолита и раннего бронзового века Предкавказья с этапами палеоботанической схемы Блитта–Сернандера (Спиридонова и др., 2001; Кореневский, 2004; 2005. С. 87–127). Так, было установлено, что поздний энеолит – вторая половина V тыс. до н.э. – приходится на самое жаркое и влажное время климатического оптимума Атлантического периода голоцена. IV тыс. до н.э. (урукский период) связано с длительной заключительной фазой конца Атлантического периода голоцена. Климат во время нее неоднократно колебался. В Предкавказье господствовала степная растительность. И майкопская культура была прежде всего культурой обитателей речных долин в окружении степных ландшафтов на равнине. Как обстояло дело с конкретными природными условиями в степном Азербайджане, мне трудно судить без соответствующих данных палинологии.

⁴ Понятие “майкопская культура” или “майкопско-новосвободненская общность” в настоящее время определяется как неоднородное явление в кавказской археологии, состоящее из нескольких групп, каждая из которых может иметь собственный путь сложения (Кореневский, 2004). С памятниками лейлатепинской культуры наиболее близок ее галюгаевско-серегинский вариант, распространенный в центральном и западном Предкавказье. Именно к нему и относится сам Майкопский курган. Для меня понятия “майкопская культура” в трактовке Е.И. Крупнова и “майкопско-новосвободненская общность” идентичны для обозначения феномена памятников круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц, отмеченного еще А.А. Иессеном.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Сведения о палеоклимате культуры Лейлатепе все же имеются. По данным палеоботанических определений, приводимых Т.И. Ахундовым, ее начало связывается с пылью теплолюбивых и влаголюбивых растений, а финал – с пылью степной флоры.

Вопрос, почему в таких условиях выжили майкопцы, а не сохранились носители лейлатепинской культуры, ждет ответа в будущем. Необходимо накопить банк данных по радиоуглеродной хронологии культуры Лейлатепе, чтобы более определенно судить о ее начале, времени стабилизации и финале. Пока таких сведений немного. Ее даты в небольшом количестве есть в монографии Н. Мусейбли. Судя по ним и дате нижнего слоя Бериклдееби, время лейлатепинской культуры определяется началом IV тыс до н.э.: 40–37 вв. до н.э. (Мусейбли, 2007. С. 150). Существовала ли культура Лейлатепе раньше? Возможно, так как одна дата поселения Бююк Кесик указывает на 42 в. до н.э. А слой поселения Бююк Кесик толщиной 1.7 м свидетельствует о ее долгом существовании. Когда в рамках IV тыс. до н.э. исчезли ее памятники, пока сказать трудно.

Таким образом, чтобы ответить на многие поставленные монографией Т.И. Ахундова и В.А. Махмудовой вопросы, необходим новый виток накопления наших знаний о культуре Лейлатепе, ее памятниках, погребальном обряде и материальной культуре.

Моя точка зрения в оценке анализируемой ситуации уже публиковалась неоднократно. Проблема исследования лейлатепинской культуры имеет принципиальное значение для понимания майкопской культуры на Северном Кавказе. Ее памятники иллюстрируют появление населения с очевидными керамическими традициями, близкими к майкопским, на Южном Кавказе, на территории Куринской низменности. Эти данные подтверждают уже опубликованный тезис о том, что старт носителей будущей майкопской культуры был связан с Южным Кавказом, и переднеазиатское влияние (если под ним понимать миграции населения, трассы дарообмена, распространение качественной престижной керамики со знаками) никак не миновало Закавказье.

В этой связи следует подчеркнуть необходимость объединения усилий археологов, изучающих лейлатепинскую культуру на Южном Кавказе и близкую ей майкопскую культуру в Предкавказье. Только при взаимном обмене информацией об открытиях в изучении этих важнейших феноменов раннего бронзового века Кавказа возможно правильно рассматривать сложнейшие этапы истории его населения во второй половине Атлантического периода голоцена (т.е. в IV тыс. до н.э.), когда Кавказ стал одним из самых ярких и передовых центров развития евразийских культур предгосударственного периода.

Рецензируемая монография Т.И. Ахундова и В.А. Махмудовой вместе с недавно вышедшей монографией Н. Мусейбли “Бююк Кесик”, безусловно, способствует такому научному диалогу и иллюстрирует заинтересованным читателям весьма значимые достижения носителей лейлатепинской культуры в Азербайджане.

Институт археологии РАН, Москва

Алиев Намик, Нариманов Идеал. Культура Северного Азербайджана в эпоху позднего энеолита. Баку, 2001.

Ахундов Т.И. О связях майкопской традиции с Южным Кавказом и Ближним Востоком // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Махачкала, 2007.

Ахундов Т.И., Махмудова В.А. Южный Кавказ в кавказо-переднеазиатских этнокультурных процессах IV тыс. до н.э. Баку, 2008.

Геворкян А.Ц. Из истории древнейшей металлургии Армянского нагорья. Ереван, 1980.

Корневский С.Н. Древнейшее оседлое население на среднем Тереке. М., 1993.

Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М., 2004.

Корневский С.Н. Ориентация культур древнейших земледельцев и скотоводов эпох энеолита – раннего бронзового века Кавказа и Подунавья в системе Блитта–Сернандера // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Махачкала, 2005.

Корневский С.Н. Радиоуглеродные даты древнейших курганов Юга Восточной Европы и энеолитического блока памятников Замок – Мешоко – Свободное // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006.

Корневский С.Н. Современные проблемы изучения майкопской культуры // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008.

Корневский С.Н., Атабиев Б.Х., Аккизов А.Я., Хаширов А.Х. Майкопские погребения кургана 1 на р. Кудухурт в Балкарии // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М., 2008.

Мусейбли Наджеф. Энеолитическое поселение Бююк Кесик. Баку, 2007.

Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии: Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994 (Археология СССР).

Нариманов И.Г., Ахундов Т.И., Алиев Н.Г. Лейлатепе. Баку, 2007.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Корневский С.Н., Ростунов В.Л. Сравнительный анализ природной среды времени существования майкопской культуры в центральном Предкавказье (Ставропольский край, Северная Осетия–Алания) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 2. М., 2001 (Археология, антропология, палеоклиматология).

С.Н. Корневский